

«Пенсии в условиях кризиса»

Семинар в ИЭ РАН 17 апреля 2018 г.

Председательствующий – **Музычук В.Ю.** Добрый день, дорогие коллеги! Скажу сразу, из всех присутствующих я, наверное, самое заинтересованное лицо, я не занимаюсь экономикой социальной сферы, но мне будет очень интересно послушать. Получается у нас узкий экспертный круг, но я думаю, что, может быть, благодаря этим экспертным оценкам мы попробуем разобраться, что у нас обстоит с пенсиями и что нас ждет. Первый доклад **Аркадия Константинович Соловьёва** – «Пенсионная реформа в условиях глобальных вызовов: социально-экономические последствия».

Соловьёв А.К. Думаю, что пока реципиенты пенсионной системы себя так ведут, то их ждет именно то, что они заслуживают. Я – единственный из присутствующих был на форуме в Высшей экономической школе, где каждый выступающий на каждой секции говорил о пенсии. Лейтмотив всей конференции и Гайдаровского форума – именно пенсионеры виноваты в том, что в стране начался бюджетный кризис. Этот сюжет озвучивали Силуанов, Кудрин, Орешкин, Макаров, все до одного. Именно пенсионная система является главным тормозом инвестиционного развития страны и выхода из затянувшегося кризиса. И без повышения пенсионного возраста, без сокращения размеров пенсии, снижения индексации никакой не будет жизни. Чем больше народ молчит, тем дольше будет иметь то, что он заслуживает в части пенсии.

Но я бы хотел поговорить о другом – об объективных факторах, которые определяют развитие пенсионной системы. Они выделены в повестке дня нашего «круглого стола». Действительно, у пенсионной системы есть две проблемы, которые были, есть и долго еще будут. Они объективны, зависят от целого комплекса факторов. Но прежде чем говорить о них, приведу несколько цифр, которые позволят дать объективную оценку тому, действительно ли пенсионеры виноваты во всем, и что их потребности

увеличиваются быстрее, чем растет наша экономика. В частности, хотел бы обратить внимание на то, что пенсионная система требует 6,8% ВВП – это как раз расходы на выплату страховой пенсии. Обычно у нас любят называть цифру 10, даже иногда более смелые чуть больше называют.

Однако, на самом деле ничего подобного нет. В то время как в европейских странах расходы на пенсии в ВВП стран Евросоюза и ОЭСР выше как минимум вдвое.

Далее – о структуре бедных пенсионеров, кто же у нас обречен на бедность (у нас критерий – прожиточный минимум)? Даже при скромном ПМП у нас бедными являются бюджетники, работники других государственных подразделений, получающие невысокую заработную плату и соответственно – скромную пенсию.

Когда приводятся цифры, и министр, нынешний или прошлый, говорит о том, что у нас пенсионная система является главным тормозом и наши расходы необоснованны, приходится объяснять, что в рыночных условиях, если мы строим страховую систему, то она должна быть ориентирована на создание независимой, самодостаточной финансовой системы. Эти граждане забывают о том, что пенсионная система в советское время была «благодарностью» государства за труд.

Голос из зала. Отчисления были от заработной платы, а не благодарностью.

Соловьёв А.К. Тут я не могу согласиться с Вами, в советское время отчисления не соответствовали объему расходов, потому что пенсия была адекватна, почти равна размеру заработной платы, а первые были символические. Посмотрите размер отчислений в советское время, которые шли в профсоюз.

В страховой системе формирование и реализация пенсионных прав базируются на двух главных принципах: эквивалентность пенсионных прав и обязательств; солидарность перераспределения средств между гражданами, для которых действует страховой случай – наступление пенсионного

возраста. Вот главное к чему подходим – что такое пенсионная страховая система и отчего она зависит. Экономически пенсионная система является производной от трех составляющих: демографии, макроэкономических параметров и системы социально-правовых отношений. Это все в развитие того, что у нас пенсионный возраст считается главной институциональной ошибкой, что в течение 30 лет пенсионная реформа осуществлялась без повышения пенсионного возраста.

Надо понимать, что пенсионный возраст является параметрической характеристикой, а не институциональной. Известные граждане – Гурвич, Кудрин и пр. – заявляют, что повышение возраста приведет к стабилизации бюджетно-финансовой системы государства путем экономии, что на Западе двигают все время возраст уже последние 50 лет непрерывно и очень успешно.

Однако период дожития на Западе дольше, он в два раза превышает наш. Там возраст движется не по произволу, не по политической воле президентов и правительств, он движется (при строгом актуарном расчете), чтобы обеспечить эквивалентность прав и обязательств, когда нарушается баланс – люди живут дольше, и не хватает денег на тот период дожития, который они планировали.

Другое дело наша пенсионная реформа. Она началась в 2013 г., реальные инструменты появились в 2015 г., изменилась формула, были введены целые комплексы законов. Закончится она – та, которая предусмотрена в принятой Стратегии, к 50-м гг. нынешнего столетия. Целевые ориентиры – финансовая устойчивость пенсионной системы, выведение ее от бюджетной зависимости, причем полное, и достойный уровень материального обеспечения, но все это должно базироваться на главном принципе страховой пенсионной системы – эквивалентность пенсионных прав и обязательств при условии, что минимальные государственные пенсионные гарантии должны быть не ниже, чем 40% коэффициента замещения. Это все написано в Стратегии крупными буквами.

Вы понимаете, она правильная, все хорошо, осталось только ее реализовать. Но что у нас происходит? На слайдах видно, что уже к 2030 г. будет понижение зависимости пенсионной системы от федерального бюджета, в два раза она сокращается, при этом быстренько набирается темп роста пенсии и приближается к заветному уровню в три прожиточных минимума. Однако к трем бедам пенсионной системы: плохая демография, волатильная макроэкономика и теневой рынок труда, добавилась четвертая – цифровая экономика, в форме полной электронизации и роботизации.

Однако, цифровая экономика изменяет всю общественную жизнь. На Западе уже говорят о сокращении рабочего времени, потребности в рабочей силе, рутинные профессии, которые нам известны, практически исчезают: бухгалтеры, юристы, плановики, экономисты, не говоря о людях, которые стоят у станка на заводе. Один человек нажимает на кнопки, иногда сдувает пыль с компьютера. Это очень серьезный вызов пенсионной системе, потому что сокращается число работников, а у нас все права в страховой системе зависят от трудового участия: занятости, стажа, размера заработной платы, тарифа. Традиционные схемы со временем отмирают. Для нас это еще далекое будущее.

Реальность же такова – не цифровая экономика, а финансовые катастрофы, причем глобальные и национальные. Кризис 2008–2014 гг. привел к совершенно катастрофическим последствиям. Ну, ВВП нас не волнует, а вот что произошло с заработной платой по сравнению с теми цифрами, которые были обозначены, и что соответственно произошло с пенсиями? А что будет дальше?

Теперь я хотел несколько слов сказать о том, от чего в этом симбиозе факторов, которые определяют экономическое развитие пенсионной системы, зависит размер пенсии в реальной обстановке.

Первое – это снижение заработной платы и сокращение стажа. Вместо пенсии в 2,5 ПМ будет 1,5 прожиточных минимума. К тому же стали экономить за счет работающих пенсионеров. Как только в 2015 г. ввели

ограничения работающим пенсионерам, сразу резко скорректировалась их численность. К ним предъявляются обоснованные и необоснованные претензии. Одним из критериев страховой пенсии является компенсация утраченного заработка, под этим, так сказать, предлогом работающим пенсионерам сделали два секвестра: сократили в 3,5 раза формирование пенсионных прав и лишили их компенсации и права на индексацию пенсий по той причине, что они будто бы являются нагрузкой на рынок труда.

Они занимают чужие места и препятствуют молодым и красивым формировать свой производственный потенциал. Вот картинка, которой редко кто пользуется, но она говорит о том, что пожилые люди сидят на местах, не очень желанных для молодежи. И те, кто работает, тот продолжает работать, а это далеко не все. А при нынешнем Трудовом кодексе, где работодатель имеет полное право делать все, что угодно со своими наемными работниками, он свободно избавляется от тех, кто не представляет никакого интереса. Квалифицированные работники вне конкуренции для молодых, так сказать, не очень доученных студентов.

Видно, что никакого совпадения нет, всем хватит места. Нет только одного – нет этих самых рабочих мест. Если Минэкономики планирует ежегодное их сокращение на очень приличную цифру, то о чем можно тогда говорить? Ни тем, ни другим нет места в нашей «солнечной» экономической системе.

Теперь, вторая проблема. Я не слышал, чтобы хоть кто-то из ответственных лиц высказался против повышения пенсионного возраста. При этом считается, что оно даст какие-то фантастические результаты. Но считают чистую экономию от неназначенной пенсии. То, что произносится в Минфине, в других организациях, она если не на порядок, то минимум в пять раз больше.

Но это только одна сторона вопроса. Я всегда люблю приводить картинку, когда говорят, что у нас пенсионеры зажились на этом свете. Посмотрите, в истории за 120 лет сколько лет дожития. С 60-ти жили в конце

XXI в. 14 лет. В начале XX в. разница всего 1,5–2 года у мужчин и примерно столько же у женщин. И сколько по последнему прогнозу Росстата будут жить те же гендерные группы, насколько у них возрастет период дожития даже к 2050 г.? Никакого фантастически безумного роста. Весь рост общей продолжительности жизни и достигается за счет резкого сокращения младенческой смертности. Это написано в самой таблице смертности, в 6 лет у младенцев в нулевом возрасте. А то, что они умирают на третий день или на третий год, или на второй год – это не учитывается. Сократилась смертность и в средних возрастах в какой-то мере, но не более того.

Ну, а то, что я искал, это продолжительность жизни в счастливых западных странах. У них этот показатель позволяет повышать пенсионный возраст, и то никаких фантастических безумных темпов роста нет, у них средний – 55 лет, только некоторые начали повышение до 67 и до 70. Но как они повышают? Кто знает, что в Америке идет повышение с конца 90-х гг., и оно закончится к концу 2020 г. Но там волнений нет, и мы не слышим ничего. А мы уже сколько народ будоражим этим – год – полгода.

Теперь наша демография. Все любят говорить о том, что у нас численность наемных работников сравнивается с численностью пенсионеров по старости в этот период. Какие это даст результаты, если мы будем повышать пенсионный возраст по полгода, сократим число пенсионеров? Это приводит к повышению размера пенсии, причем очень серьезному.

Но загадка, может ли Минфин сделать экономию на борьбе с пенсионерами путем повышения пенсионного возраста? Видно, что через 2–3 года начинается снижение этой экономии, а уже к 2030-м гг. – рост расходов, причем очень сильный по сравнению даже с инерционным вариантом.

У меня тут логика другая: о какой нагрузке наших пенсионеров на экономику должна идти речь? Обратите внимание на название этих показателей: численность наемных работников, пенсионеров. Действительно, в 2020-х гг. они пересекаются, наемных работников становится все меньше относительно пенсионеров, которые размножаются по своим законам. Так, у

нас делают вид, что не существует показателя численности трудоспособного населения. Она у нас то сокращается, то живет своим законом: как было так и остается 80 млн чел. Что же эти граждане делают, если в трудоспособном возрасте в 2025-м г. у нас тоже 82 млн чел. Это прогноз Минэкономики, не фантазия, объективная реальность.

Если мы начинаем повышать пенсионный возраст, то сократим число пенсионеров, но число наемных мест у нас не меняется. Чем больше мы оставляем пенсионеров на рабочей позиции, тем больше должно создаваться рабочих мест. Но в тех прогнозах и расчетах, которые предлагаются, ничего подобного нет. Это дает только основание для того, чтобы ухудшалась ситуация с финансовым обеспечением.

Загадочная ситуация, когда при повышении пенсионного возраста возрастают расходы на пенсионные обязательства, в том числе и по трансфертам из государственного бюджета. Специалисты это знают, я имею в виду те, которые работают в пенсионной системе, а кто нет – могу пояснить. Тут действуют несколько факторов, которые в любительских расчетах обычно не учитываются. Расчеты делаются по действующему пенсионному закону, по так называемой трансфертной формуле. Она состоит из двух частей: числитель – страховые взносы, стоимость балла, трансферты, знаменатель – сумма баллов, которые предъявляются к обналичиванию, оценке. И если мы с вами снижаем количество назначаемых пенсий, то у нас адекватно снижается сумма баллов в знаменателе.

А страховые взносы остаются в том же объеме и даже больше, если эти люди продолжают работать. Это приводит к увеличению стоимости коэффициента, балла, но кто получатели? Прибавку к пенсии за счет повышения стоимости балла получают те, кто уже имеет назначенную пенсию. Но со временем они же тоже придут с повышенными баллами, их сумма у них как-никак увеличится, в год в среднем пенсионеры зарабатывают от 5 до 8 баллов, но вот за полгода получают где-то 4–5–6 баллов, у них пенсия увеличится, если сейчас у нас 85 руб. за балл.

Возьмем 100 руб. за балл, умножьте на 5 баллов, заработают прибавку к пенсии в 500 руб.

Какие резервы у нас не охвачены? Во-первых, у нас не используются трудовые ресурсы в развитии экономики, пытаются привлекать только труд пенсионеров. Во-вторых, у нас пенсии составляют 6,8% ВВП, а представляете сколько у нас в тени? Если из этих 15% работающих в тени взять 20%, то это перекроет в несколько раз отчисления от официального фонда и повысит пенсии всем как минимум в 2,5 раза.

Очень интересно, что у нас идет сокращение не только наемных рабочих мест, но и стажа. За 15 лет возможность зарабатывания стажа изменилась с 25 лет до 30 – на 4,5 года. Каждый четвертый у нас не может выработать себе нормальный трудовой стаж, и чтобы заработать 3 ПМП для пенсии в нынешних условиях, надо работать 50 лет. Это только по заработной плате.

Последнее, на что я хочу обратить внимание. Это то, что помимо борьбы с работающими пенсионерами, за повышение пенсионного возраста должно быть сделано для завершения страховой пенсионной реформы без всяких катаклизмов. У нас большой резерв самозанятого населения, им предоставляются льготы по уплате страховых взносов, но никто им не рассказывает о том, что они все к моменту назначения пенсии останутся без нее, по причине того, что надо зарабатывать минимально 30 баллов и более и т.д.

Кроме того, этот «отряд» будет пополнен и низкодоходными бюджетниками. Всего людей, которые не заработают себе права по объективным причинам, – стаж и заработок – будет около 5 с чем-то млн чел. к 2030 г. Те, которые работали честно 30 лет и получали честно свою заработную плату, пойдут на социальную пенсию.

Что надо делать? Без повышения тарифа и создания корпоративных пенсионных систем ничего произойти не может. Тарифы на Западе (о них ходит много легенд) разные (есть и за 30), и никто там не умирает, нигде не

стонут, хотя везде есть свои Абрамовичи, но все спокойно проходит. А у нас попробуй повысь!

Тариф разный. Возраст, заработная плата, стаж, все элементы связаны, нельзя повесить возраст, не двигая тарифы стажа. Вот берут в Канаде тариф 9%, а все остальное, к примеру, о страховом стаже в 48 лет, не рассказывают. Рассказывать будут об одном, у них 9% набрали необходимые средства, а у нас 20% и их не набирают.

Главный вывод, который я предлагаю обсудить – необходимость доведения пенсионной системы до страховой, потому что нестраховой быть не может. Либо будет уравниловка советская, причем неплохая, я ничего не имею против советской системы, она как раз была адекватна тому укладу, который был. Абсолютно было все справедливо и люди знали, что имеют. Но поскольку мы все дружно идем в капитализм, то должны получать каждый по труду и зарабатывать с первого дня своей трудовой жизни.

Исходной точкой дискуссии является то, что у нас сейчас страховая система. Она состоит из двух частей: солидарная и накопительная, в разных пропорциях. Солидарная система тоже страховая, и она во всем мире солидарная система страховая. Только там идет распределение от богатых к бедным, от больных к здоровым. Есть накопительная, у вас ее не было, нет и не будет, потому что вы вышли из пионерского возраста, как и многие из нас, ничего тут страшного нет, это ваше счастье, потому что вы получили пенсию.

Янова С.Ю. У нас бюджетная сфера занимает достаточную долю во всей экономике и страховые взносы соответственно от бюджетников: образование, здравоохранение. Мы перегоняем, извините за такое слово, от бюджетников в бюджет, пенсионный фонд платит (тоже бюджетная система), а потом мы платим страховые взносы. Если каким-то образом совершенствовать эту систему, не проще будет, а мы знаем, что любые движения затратные, может быть, в этом найдем экономию? Я понимаю, что

с теневой экономикой надо бороться, но искать сокращение издержек – тоже один из путей повышения эффективности.

Соловьёв А.К. Я не очень понял вопрос. Значит, Вы считаете, что сумма страховых взносов у бюджетников не должна учитываться в пенсионных правах. А им просто назначать как военным пенсии, так что ли? А какую цель мы ставим при этом? Просто – бюджетная манипуляция. Что от этого изменится?

Янова С.Ю. Кто-нибудь рассчитывал затраты на администрирование?

Голос из зала. Говорится о сокращении работников Пенсионного фонда.

Соловьёв А.К. Сократить можно, давайте сократим, какая проблема-то?

Голос из зала. Будет экономия расходов.

Соловьёв А.К. И все? Давайте посчитаем. Вячеслав, может ты ответишь, сколько можно сэкономить на работниках Пенсионного фонда и к чему это приводит на практике. У нас есть руководитель одного регионального отделения. Вопрос – чем это заканчивается для самих реципиентов, когда придется идти в это заведение?

Голос из зала. Имеется в виду сокращение работников Пенсионного фонда. Когда мы изучали задолженность бюджетной сферы на муниципальном уровне по заработной плате, начислениям на оплату труда, то за последние годы выявилась достаточно серьезная задолженность по начислению страховых взносов. Эта кредиторская задолженность накапливается, берутся бюджетные кредиты, платится процент, чтобы оплатить ее. Понимаете, из бюджета платится процент по коммерческому кредиту, это – большие расходы. Издержки никто не считает.

Соловьёв А.К. Давайте разберемся с этим. Тут было бы все хорошо, если бы не было у нас солидарных обязательств. Ведь страховые взносы выполняют две функции. Вы говорите только об одной – формировании прав несчастных работников бюджетной сферы. Но они выполняют и вторую

функцию, она может осуществляться без всякой переброски туда-сюда денег, из одного кармана в другой. Но у нас есть те же работники, которым исполнилось 80 с чем-то лет, и они тоже хотят получать свою пенсию. А откуда брать деньги? Из общей кучи? Тогда всю систему надо переводить на госбюджет.

Учет пенсионных прав действительно бумажный в личном кабинете, где хотите, а наличные деньги идут в означенном направлении. С кредита, с процентом, без процента, и почему у них задолженность возникла кредитная – совсем другая история. Это возможно было при советском бюджете, где он был строго распланирован по позициям в зависимости от расходов.

Я вижу здесь один только аргумент, который ведет к невообразимой путанице с нашими непрозрачными бюджетной и налоговой системами. Если исходить только из сущности пенсионных страховых взносов, то я выхода не вижу. Сейчас развивается сюжет, что мы все переводим в личный кабинет, и он открывается в Москве, но если вы отъедете на 100 км от центра, то у вас никакого кабинета нет. И какой-то бабушке в Урюпинске доступ в кабинет отсутствует, и хорошо бы нам дотянуть до той объективной реальности, с которой у нас становится все сложнее и хуже. Кроме безумия с экономией на кабинете, сейчас начали говорить о сокращении численности работников, которые очень много едят. Вячеслав, скажи, какой средний размер заработной платы у работников Пенсионного фонда?

Ойкин В.Г. Заместитель Управляющего ПФР по Ивановской области – 15 тыс.

Соловьёв А.К. 15 тыс. в среднем за месяц в год. Какая в науке средняя заработная плата? Вот безумие к чему привело реально.

Морунова Г.В. Я предлагаю сначала снять затратность этой системы.

Соловьёв А.К. Какую затратность? Вы же не имеете в виду экономию за счет численности. Что такое пенсионная система?

Александрова О.А. Коллеги, вот Валентина Юрьевна сказала, что она здесь немножечко со стороны смотрит, на самом деле это имеет отношение к

культуре дискуссии, культуре политической, потому что есть две стороны, одна из которой императивно заявляет – без повышения пенсионного возраста не обойтись, и оно преподносится как панацея, и другая, которая высказывает сомнение и какую-то аргументацию. Отсутствие культуры дискуссии у нас связано с тем, что мы слышим голос только одной стороны. Я сразу скажу, я не специалист по пенсионной проблематике, тем более по актуальным расчетам, поэтому буду заходить на эту тему методологически и со стороны рынка труда, занятости и т.д.

Мне вспомнились слова, которые сказал знаменитый британский ученый Питер Томпсон. Были очень жесткие дискуссии по теме бедности, они тогда были публичные в Британии в конце 60-х гг. в рамках симпозиума «Селективность или универсализм». Надо сказать, что селективность уже подкрадывается и к пенсиям, потому что, как артикулировали и Алексей Кудрин, и министр финансов Антон Силуанов, нам надо и в отношении пенсий подумать, не использовать ли нам принцип нуждаемости при ее определении. Так вот, Питер Томпсон тогда сказал, обращаясь к своим коллегам, что «речь идет не о денежных ограничениях, а об образе и качестве того общества, которое мы хотим получить».

Методологически есть концепция реформ по внедрению управленческих инноваций. Согласно ей, успех реформы в социальной сфере определяется тремя факторами: адекватностью концепции, которая отражается в законодательстве, нормотворчестве; эффективностью работы оргструктур, которые будут ее реализовывать; установками ожидания тех субъектов, которых коснется реформа.

Начнем с концепции. Там, где она есть, там должны быть мотивы проведения реформы – целеполагание. Я понимаю, что такое неартикулируемая цель реформы и артикулируемая. Неартикулируемая – экономия средств за счет отсрочки выплаты пенсий: она либо ничтожна, либо краткосрочна.

Я посмотрела на этот график и поняла, что нынешней власти хватит, может быть, этого ничтожного эффекта, а что там будет дальше, так далеко наши стратеги не смотрят.

Ну, а артикулируемая? Это то, что у нас нарисуется образ – как на одного работающего с сошкой десять пенсионеров с ложкой. Сейчас, в преддверии цифровизации экономики, как хорошо сказал один товарищ, цифровые технологии равны безлюдным, и сразу все проблемы во весь рост становятся. Причем не физический труд, а даже беловоротничковые профессии – они не нужны, даже в мелкосерийном производстве.

Мы как раз делали для Департамента занятости и соцзащиты Москвы НИР о трудоустройстве проблемных групп населения, к которым относятся лица предпенсионного и пенсионного возраста. Пока цифровизация в России отстает от стран-лидеров, но с учетом того, какие задачи себе поставили мировые фабрики, я имею в виду Китай с его директивной программой роботизации, Корею, которая тоже хочет выйти в лидеры, понятно, что при своей экономии на масштабах они завалят весь мир робототехникой, и до России она тоже доберется. В результате огромные секторы просто будут обезлюдены по определению.

Другое дело, что есть те секторы, где без человека пока не обойтись: наука, образование, культура, здравоохранение, социальное обслуживание. Но там мы видим, что сокращение идет уже сейчас. То есть там, где можно было бы занять, мы тоже сокращаем, мы тоже их вытесняем. В обрабатывающей отрасли нет молодых специалистов, а есть старые, которых умный руководитель бережет, потому что это последний сварщик, который умеет такие швы делать и т.п. Но не придут туда молодые.

У нас три года был большой проект «Трудовой потенциал как объект стратегического планирования». Мы изучали 6 регионов, 3 региона где доминантой являются такие наукоемкие отрасли, как авиастроение, судостроение, приборостроение, и 3 региона, где преобладают пищевой и агропромышленный комплексы. Мы видим, что при том уровне

рентабельности, отсутствии какого бы то ни было реального стратегического планирования с такими долгосрочными программами развития отраслей предприятия планируют на год, не заказывают себе даже в учреждениях профобразования кадры, потому что они не могут спланировать свою собственную экономическую деятельность. И туда никакая молодежь не пойдет в ближайшее время, потому что они не могут предложить конкурентоспособную заработную плату. Нам руководитель ассоциации текстильной отрасли говорил, что по ряду профессий кадры вообще не готовят, какие там – прядильщики, ткачи и т.д., поэтому речь идет о максимальной автоматизации производства – просто, чтобы не зависеть от кадрового обеспечения.

Следующее. «Денег нет» – знаменитая фраза, крылатое выражение. Дальше: «Искусственный предлог для нового витка демонтажа социального государства», потому что любой мало-мальски грамотный финансист перечислит целый перечень элементов мобилизации средств в бюджет и целый перечень средств, который не позволяет капиталам утекать, но они тоже не используются.

Следующее касается огромной неформальной занятости. Да, она огромная, но решение лежит как раз в культурно-политической области. Когда-то, в 1997 г., мне довелось побывать на семинаре «Демократический контроль в Швеции», который организовывало шведское посольство в России. Контроль народа над государством, и я только потом поняла, насколько грамотно была выстроена программа этого семинара. Руководитель налогового ведомства выступала последней, а до этого все нам рассказывали о том, как государственно-политический механизм Швеции позволяет добросовестному налогоплательщику не чувствовать себя единственным идиотом, который платит налоги.

Нужно: первое – соразмерность налогов. У нас это есть? Нет. 13% для того, кто получает МРОТ и для того, кто получает миллион в месяц, – две большие разницы. Второе – солидарность. Мы знаем, что у нас кто-то может

улизнуть, ему ничего не будет, а кто-то должен будет платить. И третье – согласие общества с тем, на что государство тратит, уверенность, что оно делает это добросовестно.

У нас ни одно из условий теории условного согласия не выполняется. Буквально вчера моя дипломница – социолог – прислала свою вторую главу, написанную на основе эмпирического исследования по теме «Представление студенческой молодежи о криминализации экономики столичного мегаполиса». Мы там предложили студентам указать 23 позиции, которые имеют отношение к криминальной стороне экономики, начиная с фальсификации продуктов, получения заработной платы в конвертах и т.д. И все они готовы продолжать жить в таком обществе, и это не считается аморальным.

Здесь присутствует коллега, с которой у нас случилась заочная дискуссия на конференции в Финансовом университете. Я сказала, что женщины, которые сегодня раздражают своим сроком дожития, хочешь не хочешь, в условиях стремительной коммерциализации социальной сферы замещают социальные институты. Они – школьный автобус, они – ясли, они – детский сад, они – социальное обслуживание, уход для престарелыми. Ваш контраргумент – бабушки не хотят выполнять эти функции. Может быть и так, но вопрос в соотношении хочу и должен. Надо учитывать то, как выполняются майские указы по детским садам, когда просто перестали существовать ясельные группы, и та же бабушка задумается.

И еще. Вот одна наша коллега по Финансовому университету сказала: «А я не хочу чувствовать себя старой, я – за повышение пенсионного возраста», думая, что это будет для нее охранной грамотой и ее не смогут по этому признаку сократить. Но если стоит задача оптимизации, то будет миллион других причин ее сократить. Год назад мы делали для Департамента занятости и социальной защиты Москвы исследования, о нем я уже сказала, с точки зрения трудоустройства, в том числе по пенсионному и предпенсионному возрасту. У нас был массовый опрос тех, кто обратился

в службу занятости населения во всех административных округах, плюс отдельно инвалидов, и экспертный опрос работников данной службы. Вот они пишут: «Задерживаются без работы женщины в основном за 50 или около 50 лет, мужчины от 55 до 60 лет». Следующая работница пишет: «Женщины свыше 45 лет, мужчины от 45–50 долго не могут найти работу». Следующая: «Сейчас с людьми свыше 50 лет вообще не разговаривают – “ваш возраст, мы вам позвоним”».

Структура экономики тоже на это влияет. Если у нас в основном это – торговля, сервис и т.д., нужны «молодые ноги», быстрые, здесь никому не нужен опыт, квалификация и т.д.

Мы только что на МЭФе провели конференцию по кадрам, я туда пригласила председателя Московского городского профсоюза работников авиастроительной отрасли. Так вот он рассказывает, что даже на авиастроительных предприятиях идет вытеснение старших возрастных групп, потому что приходят менеджеры, они временщики еще покруче, чем мы видим в системе госуправления, они абсолютно не понимают, не чувствуют отрасль, что в ней важно, потому что они имеют менеджерское или экономическое образование. И поскольку у них тоже есть дорожные карты, в которых есть показатель омоложения кадрового состава, они вытесняют этих работников.

Что показал наш массовый опрос среди тех, кто обратился в службу занятости населения? Это более чем на четверть лица пенсионного возраста и 93% предпенсионного. Из них 70% ушли в статус безработных, 4% собирали документы, чтобы его приобрести, 22% не работали, искали работу, 3% работали и искали другую работу. При этом надо сказать, что у нас безработные, вроде бы, женщины; нет, на 41% это были мужчины, причем каждый четвертый был руководителем в недавнем прошлом, и был некоторый перевес среди тех, кто имеет среднее профессиональное образование. То есть какие-то рабочие, технические профессии – это тоже не охранная грамота. Трудовой стаж у 95% свыше 20 лет, у 57% – свыше 30 лет.

Основные причины нахождения без работы (58–70%) – высвобождение, сокращение, ликвидация предприятия.

Почему они обратились в службу занятости населения? 55,8% респондентов ответили: «трудно найти самостоятельно работу», 34% «боятся потерять стаж», 26% «интересует пособие по безработице». Длительность поиска работы: более 35% – не работает больше года (больше по выборке из тех, кто безработный в службе занятости), 30% больше года ищут работу и 24% больше года зарегистрированы в службе занятости населения. Из причин проблем с трудоустройством 89% назвали свой возраст.

Что касается вакансий, мы знаем, что они в основном у нас есть, и те, которые предлагает служба занятости, в основном связаны с рабочими профессиями.

Дисбаланс как раз серьезный на рынке труда между теми, кто обращается, и какие вакансии предлагаются. 52% отметили, что вакансии, которые предлагает служба занятости, соответствуют специальности, 33% – что не соответствует.

Надо сказать, что опять же пожилые несколько болезненнее, чем молодые, относятся к переквалификации, но тоже достаточно терпимо. Требуется работа по своей профессии у каждого четвертого, 48% готовы на смежные профессии, 13% – на другую профессию, 12% – на любую работу. Но переучивание, переобучение для них является проблемой. Не готовы переобучаться 51%, а в среднем 37%. Возраст все-таки накладывает отпечаток, стаж, кому-то обидно, что имея такую квалификацию, он почему-то вынужден теперь переобучаться. Поэтому относительно небольшое количество людей (каждый третий) готово переобучаться в службе занятости, готов самостоятельно – 14% и т.д.

Что касается притязаний. Как они оценили те вакансии, которые предлагает служба занятости населения с точки зрения заработной платы. 50% отметили, что заработная плата низкая, но на скромную жизнь хватит, вполне приемлемая – 20% , а что достойная – 2%. А что при этом они

считают достойной заработной платой? Мужчины сказали, что достойным заработком они сочли бы 49 тыс. руб. в Москве, а женщины – 46 тыс. руб

Возникает вопрос: не окажутся ли эти люди просто выброшенными на улицу с кратким периодом получения мизерного пособия по безработице, а после этого вообще без средств к существованию?

Омельчук Т.Г. Я вообще говорю, что надо поднять возраст для женщин до 60 лет. Однако, если мы сейчас не начнем, не используем момент, когда снижается численность входящих на рынок труда и численность назначаемых новых пенсионеров, в течение 15 лет, когда у нас есть окно такое возможностей, мы потеряем рабочие места, они просто будут не нужны. Потому что у нас все меньше и меньше трудоспособного населения, нет никакой конкуренции на рынке труда, все трудоустраиваются.

Дальше что мы делаем? Мы никогда не повышаем пенсионный возраст, исходя из вашей идеологии? Я хочу получить ответ от человека, который на нескольких мероприятиях говорит об этом.

Александрова О.А Уважаемые коллеги, я начала с того, что для того чтобы предпринимать какие-то шаги, должен быть веский аргумент. Я его не услышала с позиции демографии – с точки зрения продолжительности жизни. Я не вижу источника потребностей рынка труда. Вы говорите, что сейчас такой благоприятный момент, надо воспользоваться, а у меня вопрос, а зачем?

Я специалист по социальному государству, социальным основам и т.д. и должна сказать, что в начале 90-х гг. нам точно так же, с такой же степенью убежденности говорили, что шведская модель: а) несвоевременна; б) дискредитированна. И первое, и второе было неправдой, мягко говоря. Почему у нас мало денег, в том числе в Пенсионном фонде? Потому что у нас идеология была такая. Прекрасно помню статью «В левый поворот российский капитализм не впишется» в журнале «Эксперт» образца начала-середины 90-х гг., где открытым текстом говорилось: мы будем экономить на труде. И сегодня мы продолжаем это делать.

Если мы не видим никаких предпосылок, кроме того, что ведь когда-то надо, для важного шага, имеющего политическое звучание, мы получим проблемы на рынке труда с точки зрения уровня бедности. И тогда у меня возникает вопрос: а зачем делать шаг, для которого нет серьезных оснований, но у которого будут серьезные последствия.

Омельчук Т.Г. А когда сравнивается численность плательщиков-пенсионеров – это не является основанием? За счет чего Вы предлагаете балансировать?

Александрова О.А. Уважаемые коллеги, у нас численность плательщиков еще связана с огромным теневым сектором, потому что такой социально-политический механизм, пока мы этого не изменим, у нас все будут в тени. Даже, если вы им скажете, что вы будете получать социальную пенсию 2 тыс., они настолько не доверяют этому государству, то они ответят, да и на 2 тыс. мы не рассчитываем, мы не будем выходить из тени.

Омельчук Т.Г. Часть теневого сектора при каких-то сценариях административных просто реально закроеся. Реально очень низкие заработные платы, точно также на уровне МРОТ. Вы все пытаетесь вытащить и не знаете как.

Омельчук Т.Г.: Чем балансировать? Вы говорите, что тех, кто потенциально не платит, их пока вытащить нельзя, но если это сделать, у них будет заработная плата на уровне МРОТ, это никак не поможет.

Моя позиция. Во-первых, нужно отметить, что наиболее благоприятный период для повышения пенсионного возраста именно сейчас, нужно начать с женщин, по три месяца, по полгода повышать. Почему? Сегодня у нас вступает на рынок труда очень малочисленной когортой молодежь, одновременно численность новых пенсионеров в течение 15 лет будет и мужчин и женщин наименьшей, т.е. мы как бы экономим 2,5 млн женщин, 1 млн мужчин с точки зрения новых пенсионеров. Потом через 15 лет пойдут более возрастные когорты, поэтому, если мы сейчас не начнем, то нам потом будет гораздо сложнее это сделать, действительно будет больше

риск безработицы. Если начать очень медленно, по три месяца, по месяцу повышать, то никакого дисбаланса на рынке труда не возникнет, т.е. если очень небольшими шагами мы начнем, то мы используем этот благоприятный период с точки зрения демографии. Потому что сейчас формально безработица снижается, обращения в службу занятости снижаются именно с учетом этих когорт.

Поэтому нужно просто этот момент использовать. Вопрос темпов повышения, предел повышения – можно обсуждать, но то, что нужно начать сейчас с точки зрения демографии – это благоприятный период, это однозначно. Просто потом действительно будет сложнее начать повышение пенсионного возраста. Это важно, тем более, что есть такие аргументы, как: 1) дискриминация на рынке труда, если за нее начать наказывать, то будет это легче проходить; 2) повышение возраста рождения детей, когда женщины рожают после 40 и 45. Там вообще речь не идет о бабушках, которые должны помогать ухаживать, женщины сегодня в 55 лет не готовы сидеть с детьми, они хотят работать, не хотят глобально снижать свои потребности.

Повышение возраста рождения детей приводит к тому, что женщина рожает несколько детей, и потом ее тут же забирают на пенсию, поэтому мы реально сделаем хуже, сохраняя именно этот пенсионный возраст. Если вы найдете любую женщину в 55 лет, она не хочет идти на пенсию, только если у нее проблемы со здоровьем, тогда она имеет право на пенсию по инвалидности. Это важно.

С точки зрения детской инфраструктуры у нас не хватает детских центров, вообще учреждений, которые бы занимались детьми от 0 до 3-х лет. Ну так мы же не предпринимаем никаких шагов для того, чтобы ее создавать. Первые этажи во многих домах пустуют, там можно реально создавать эти детские центры, центры для подростков, для инвалидов, но для этого нужно, чтобы была льготная арендная плата или она вообще отсутствовала бы, но никто в стране этим не занимается.

Ржаницына Л.С. Простите, может работающий пенсионер, который вышел очень поздно на пенсию, скажет? Вы просто-напросто лишаете женщин в пенсионном возрасте возможности более высокого уровня жизни, получая пенсию и заработную плату. Тем не менее считаете, что все замечательно. Когда я собираюсь и то и другое получать, это светлый путь в моей жизни.

Омельчук Т.Г. А потом, когда эта женщина остается с одной пенсией, происходит резкое падение уровня жизни. В этот момент ей гораздо тяжелее. В то время, когда она работает и одновременно получает пенсию, как правило, последнюю отдает детям, внукам, но это неправильно.

Ржаницына Л.С. Как неправильно, зачем же тогда дети? Только, чтобы содержать их за счет родителей.

Омельчук Т.Г. На самом деле существует такая нормальная практика, когда человек сначала работает, получает заработную плату, потом живет на пенсию. Мы как-то хотим одновременно жить и на заработную плату, и на пенсию, ибо у нас пенсии низкие, их повышать надо. В итоге никаких целевых ориентиров без повышения пенсионного возраста никто никогда не добьется – 40% коэффициент замещения пенсией заработной платы при стаже 35 лет, потому что каждый год страховая часть индексируется по инфляции, базовая тоже, и таким образом к 2030 г. индивидуальный коэффициент замещения при стаже 35 лет будет 31%.

Если мы не начнем, наконец, страховую часть стоимости пенсионного коэффициента индексировать по заработной плате, именно нужно по заработной плате, не там средними темпами, просто не выйдем на эти 40%, заявленных в Стратегии развития пенсионной системы. Но средств на это нет, есть альтернатива повышать трансферт.

Ржаницына Л.С. Как можно за счет пенсионного возраста решить проблему повышения пенсии?

Омельчук Т.Г. Я не говорю, что полностью ее решить.

Ржаницына Л.С. Правильно Ольга Аркадьевна сказала, зачем тогда огород городить? Мы никак не решим, потому что через 5 лет уже начинается рост расходов – три года снижаем, а потом растем. А как ограничить, если стоимость балла растет?

Мы пенсионеров с рынка труда выводим, работаешь – не будем индексировать заработную плату, а еще пугаем тем, что у тебя она в год миллион, может быть, мы тебе вообще не будем платить. Вместо того, чтобы стимулировать, мы их выводим. То есть мы осуществляем сейчас обратный процесс, и потом удивляемся, почему у нас увеличилась нелегальная занятость. Я вот говорю, что повышение пенсионного возраста увеличит легальную занятость, но меры, которые мы сейчас проводим, – снижают ее.

Между тем, кроме повышения пенсионного возраста еще много других механизмов. Сегодня мы повышаем минимальный стаж с 5 до 15 лет с 2024–2025 гг., поднимаем минимальную сумму пенсионных баллов, кто-нибудь об этом знает? Никто не знает. Каждый год куча пенсионеров обращается за пенсией и выясняется, что они не имеют права на ее получение, потому что рекламы нет никакой, объявлений нет, по телевидению звучит, что вы платите взносы, но человек не знает, что мы поднимаем стаж с 5 до 15 лет. Можно сколько угодно на сайте Пенсионного фонда это публиковать, но если этого нет в общем пространстве, то человек об этом узнает только придя за назначением пенсии. Далее, вот мы сейчас делаем одновременно две разные вещи. Более-менее медленными темпами поднимаем как бы этот стаж до 15 лет, а вот сумма пенсионного коэффициента у нас как бы потенциально на человека, у которого минимальный размер оплаты труда, растет гораздо больше, потому что сегодня масса людей работает с минимальным размером оплаты труда, получает 0,9 пенсионного коэффициента, меньше 1. Поэтому, чтобы получить пенсионный коэффициент 30, он должен работать больше 30 лет. Вроде мы заявляем, что у человека стажа в 15 лет для получения минимальной пенсии достаточно, но одновременно для человека с

минимальной оплатой труда стаж для получения страховой пенсии больше 30 лет.

Может быть, более медленными темпами необходимо двигать сумму пенсионного коэффициента, потому что люди с низкой заработной платой просто не успеют выработать стаж. Может быть, статистические данные проанализировать – много ли людей действительно не получают пенсию по этой причине.

Я же назвала эту цифру, 5,5 млн чел. до этого не заработают – к 2030 г.

Омельчук Т.Г. Можно ее наверное замедлить, нельзя, тогда мы людей, по сути, обманываем. Задним числом уже не могут заработать баллы, как бы ни хотели, они сегодня строятся на МРОТ. Поэтому я считаю, что эту меру женщинам, у которых 3 – 4 ребенка, тоже надо как-то смягчить.

Дальше, у нас есть будущее по поводу досрочных пенсий, я вот не считаю, что нужно переводить их в корпоративные. Да, потому что есть действительно сложные условия труда, есть шахтеры, для которых можно ввести эти корпоративные пенсии, и лишить их по сути пенсии, потому что мы понимаем, что при корпоративной пенсионной системе, если она накопительная, нет гарантии, что человек ее получит, должен быть очень большой тариф для того, чтобы обеспечить будущую нормальную пенсию.

Соловьев А.К. За чей счет содержать их? Полтриллиона рублей.

Омельчук Т.Г. Медиков мы содержим.

Соловьев А.К. За счет того, что у Людмилы Сергеевны пенсия меньше.

Омельчук Т.Г. Что важно для досрочных мест – перевести, сейчас они получают пенсию по спискам, а платят взносы по классовым условиям труда, надо соотнести вот эти классы условий труда, чтобы в момент взносов учитывался класс труда и в моменты выплаты тоже. Если рабочее место аттестовано по более низкому классу, может быть досрочная выплата, как бы не по первому списку, а допустим, не 10 лет, а 8, 6 лет, т.е. об этом можно позаботиться. В конечном итоге расходы сократятся в два раза. И при этом,

сократив их в два раза, мы приблизим тот взнос, который сегодня уплачивает работодатель суммарно, к тому размеру выплаты по этим категориям, т.е. собственно доля по этим досрочным местам сбалансирется. По бюджетникам можно стаж двигать медленно – это другая история. Но надо сказать, все досрочники стоят 7% расходов. Если мы все пенсии отменим, то это – всего 7%.

У нас пенсионная система в ближайшее время будет нести значительные потери, если мы не перепишем закон о единовременных выплатах и накопительной части. Сегодня у нас написано, что если менее 5%, то она дается единовременно, но это писалось для того поколения, которое вот эти 2% в течение 3-х лет выплачивало, где-то у них там 00, меньше 1% у всех, 0,1 – логично им отдают небольшие суммы единовременно, но сейчас уже в первые годы досрочникам назначают те пенсии, которые выплачивались в 2002–2013 гг. в накопительную систему. Это – досрочники, в основном женщины – с 2022 г. выплаты, мужчины – с 2027 г. Расчеты показывают, что если как сегодня идет, то их размер будет составлять от 4 до 6%. Но если страховая часть пенсии будет расти более высокими темпами, а накопительная – более медленными, то они составят менее 5%, там 3–4%. И мы сегодня по закону всем должны отдавать единовременную единую сумму, и сейчас мы это делаем, а дальше доплачиваем до минимального уровня. Эту сумму доплачивают регионы, что нелогично, т.е. мы лишаемся порядка 5% расходов каждый год. Поэтому разумно эту сумму платить раз в год, учитывая ее при доплате прожиточного минимума, федерального, регионального, как угодно.

Голос из зала. Сейчас вы говорите о тех, кто вышел досрочно, а все-таки какую долю занимают расходы госслужащих, бывших муниципальных, федеральных госслужащих?

Ржаницына Л.С. Что касается госслужащих, то у меня все приятели, которые вышли по возрасту, ушли на страховую пенсию, потому что пенсию госслужащего исчисляют из оклада, а он у них маленький.

Омельничук Т.Г. И последнее, что я хотела сказать по накопительной пенсионной системе, не по той, что хотят вводить, а по той, что уже есть. Если мы хотим, чтобы все не превратилось в 0, то должна быть введена система гарантий, аналогично гарантиям по вкладам.

Музычук В.Ю. Спасибо большое, Татьяна Геннадьевна, мы услышали представителя другой стороны.

Александрова О.А. Я, в целях повышения нашей культуры дискуссии, хочу сказать, что будучи не согласна принципиально по ряду вопросов, по ряду других прозвучавших вещей, не спорю, что действительно не надо гонять рекламу: «Газпром – национальное достояние». Он ни с кем не конкурирует, не нуждается в рекламе, ему нужна социальная реклама, связанная с теми проблемами, о которых мы говорили. И второе – может, я не права, но на самом деле, то, что вы говорите о досрочных пенсиях и перекладывании на корпоративный сектор выплат, мы тут тоже видим риски существенные, более того мы все время слышим запрос от нашего бизнеса на либерализацию трудового законодательства. А в ней интересует только два момента: возможность увольнения работника и все, что касается охраны труда и т.д. Я с вами согласна, что здесь есть риски, которые тоже серьезные, а, как вы сказали, эффект экономический незначительный. Соотнесение риска и эффекта. Спасибо большое.

Музычук В.Ю. Слово Шерстневу Вячеславу Игоревичу, председателю совета ассоциации профессиональных актуариев.

Шерстнев В.И. Построю выступление из двух частей. Первая – механистические вопросы, вторая – сущность. Механистические – это то, о чем мы здесь долго разговаривали, как считать. На самом деле это бессмысленная дискуссия по той простой причине, что математика – это аппарат. Поэтому дискутировать на тему, какая у нас пенсионная формула, какие баллы, достаточно бессмысленно, у нас демократия – в 91-м г. 3 раза была пенсионная реформа. Достаточно бессмысленно на эту тему спорить, тем более, что аргументы, который Аркадий Константинович постоянно

приводит по поводу возраста дожития, они, на мой взгляд, к делу не относятся. Аргумент по поводу того, что за последние 120 лет увеличилась продолжительность оставшейся жизни пенсионеров, к делу не относится. У нас очень резко увеличилась вероятность дожития до пенсии. Совершенно разные величины с точки зрения математики, они не связаны никак.

Гораздо интереснее сколько у нас мужчин доживает до 65 лет. Я точно не скажу, но женщин порядка 90% доживает до пенсии сейчас, а мужчин порядка 70%. По московской таблице до 100 лет доживает 3% мужчин и женщин, это очень много. Если каждый вспомнит свой школьный класс, где было порядка 30 чел., так вот один из него проживет 100 лет. На самом деле у нас продолжительность жизни очень сильно растет, и все начинают вспоминать это число 65–70 лет, а вот в Японии еще больше. Вероятность для каждого конкретного человека прожить сколько-то лет у нас резко увеличилась.

Вот если говорить про годы меньше 60-ти. Есть другая проблема у нас, которой часто спекулируют – это разница в продолжительности жизни мужчин и женщин. И некоторые товарищи договорились до того, что якобы это качество нашего биологического вида. На самом деле это никак не подтверждается научными данными, даже отдаленно, есть в мире достаточно много стран, где продолжительность жизни мужчины и женщины одинакова, а есть даже одна страна, где мужчины живут дольше – это Катар. По двум причинам: там не пьют и у каждого много жен, которые холят и лелеют. Одинаковая продолжительность жизни в Израиле и на Мальдивах.

Значит, какой мы из этого можем сделать вывод? Что на самом деле недостаточная продолжительность жизни мужчин у нас, в Западной Европе и где-либо еще не связана с тем, что они генетически неприспособлены, а обусловлена другим образом жизни.

Поэтому аргумент, что возраст выхода на пенсию как-то должен быть связан с тем, что мужчины живут то ли дольше, то ли меньше, не действует, это связано именно с образом жизни наших конкретных мужчин. Это как бы

механистический подход, т.е. обосновать можно все, что угодно, посчитать можно все, что угодно. Если есть решение повысить пенсию, всегда найдутся нужные аргументы.

Переходим к сущностному вопросу. А зачем нам все это нужно? Имеется в виду пенсия. Если мы вспомним историю, то российские пенсии, в том виде, как мы их знаем сейчас, всего-навсего 100 лет существуют. Я в свое время слышал выступление Юрия Юрьевича Воронина, который тогда работал в этой системе, он очень грамотно разделил модели пенсионной системы на три (а не на две – как сейчас). Выделялась модель, которую англичане изобразили во время войны, простая – всем по минимуму, далее модель Бисмарка, которая реализована на Западе, и у нас ее пытаются воспроизвести. Ее принцип – каждый зарабатывает на пенсию конкретно себе.

Не кому-то там, а себе, но с учетом права перераспределения за счет того, что они все доживут. Та модель, которая у нас сейчас существует, это конечно не модель Бисмарка, т.е. какие-то упоминания есть, но одно то, что у нас трансферты федерального бюджета составляют порядка половины всех расходов, показывает, что это явно не она. И третья – модель Ленина, когда финансирование пенсии осуществляется государством вне связи со взносами конкретного человека (советская). И эта модель остается в нашей действующей пенсионной системе, хотя ее всячески пытаются перенести куда-то.

Все досрочные пенсии действуют по советской модели. К чему все это планируют? Потому что если посмотреть на развитие экономики всех стран, особенно тех, которые сейчас называются цивилизованными, то у них производство в ВВП составляет уже меньше трети, а все остальное это услуги и не пойми что. Это все мне напоминает старую экономическую загадку. Самолет терпит крушение, и на необитаемом острове, на котором вообще ничего нет, оказываются два пассажира. И у них с собой 100 долл. и дверь от самолета.

Больше нет ничего, т.е. вообще. Вопрос к экономистам: какой ВВП может быть у этого государства? Правильный ответ – любой. На самом деле, вы же понимаете, что пенсионеру, как и любому другому человеку, совершенно не принципиально, какой будет ВВП, ему важно, что он получит. А получит он как раз то, что было произведено. То государство, которое я описал, у него ВВП будет бешеным. Тут мы вспоминаем предыдущего докладчика, который нам рассказывал про цифровую экономику. К чему идет наша цивилизация? К тому, что люди, как таковые, ничего производить не будут.

Все, что им нужно, будет производиться кем-то другим, как-то само, без практического участия человека. Я опять отвлекусь – я видел снимки с одного из западных заводов по производству сэндвичей, там есть автоматизированная линия, которая делает бутерброды. Их кто-то придумал давным-давно, сейчас человек их делать не может теоретически. Там миллионы транзисторов, и человек не в состоянии их заменить.

В такой конструкции, если предположить, что человек сам по себе ничего не производит или производит очень мало из того, что можно потребить, его конкретные взносы от заработной платы к делу не относятся, а относятся как вы правильно заметили, распределение того, что произвели.

Ржаницына Л.С. Называется социальный гарантированный базовый доход. Уже придумали.

Шерстнев В.И. Гарантированный, поэтому, к своему удивлению, склоняюсь к советской модели, которая распределяла это как-то, но без связи с этими загадочными коэффициентами.

Музычук В.Ю. Переходим к формату коротких сообщений. Слово зам. управляющего отделением Пенсионного фонда России В.Г. Ойкину.

Ойкин В.Г. Практики также интересуются вопросами пенсионной теории, много интересного сегодня прозвучало. Я бы только на одном внимание заострил – на прекаризации, связанной с неформальной гибкой занятостью, отчасти теневой. Это неквалифицированная занятость, когда человек

очень мобильно перестраивается, и в общем это, как некоторые исследователи утверждают, занятость будущего, во всяком случае очень большой части наивных работников.

В условиях России, как мне представляется, прекаризация двойственна. С одной стороны, вынужденная, то, о чем нам говорили, из-за тяжелой экономической ситуации человек вынужден так трудиться, в тени, частично неполный рабочий день, и это неизбежно сказывается на будущих пенсионных правах. А с другой – она охватывает труд молодых, которые еще может быть не задумываются о будущем в полной мере, но они именно так начинают трудиться, так у меня студенты иногда работают, не думая о будущем.

Если очень коротко, не приводя цифр каких-то, которые у меня есть, – видимо эту форму занятости тоже надо как-то интегрировать в нашу пенсионную формулу, какие-то правовые режимы для таких моделей занятости предусматривать, потому что это не в полной мере самозанятые люди, для которых есть своя схема, которая ущербна, потому что они тоже полноценных прав не получают, при том, что очень большие затраты несут.

Предложение такое – надо попробовать расширить диапазон возможностей и участие своими взносами в пенсионной системе, т.е. подумать, как действовать в этом направлении. Ну и плюс все то, что было сказано. Если можно зафиксирую некоторые сообщения. Вот Ваше, мне показалось, что Вы отрицаете презумпцию, заложенную в законе, презумпцию нетрудоспособности при достижении определенного возраста. То есть Вы предлагаете оценивать нетрудоспособность, как это было в 20-е гг. у нас, когда пенсия по такому критерию назначалась, предлагаете вернуться к этому? Я не понял.

Янова С.Ю. Сегодня на рынок труда поступают гораздо позднее, раньше люди с 18 лет начинали работать, а сейчас все иначе. И это приводит к тому, что мы не можем найти сварщиков, потому что человек получил высшее образование или даже купил диплом, и он не пойдет уже сварщиком.

Сейчас все поступают в институты, университеты, платные, бесплатные, так вот мы тут теряем на стаже очень сильно.

Это обязательно надо учесть в страховой модели.

Каждая пенсионная система реализует модель – собрать и поделить.

Ржаницына Л.С. Есть же система, которая очень часто предлагается, другое дело, что мы не можем выстроить, оценить и сделать культурно, а на самом деле инвалидность – она и есть утрата трудоспособности

Александрова О.А. Поскольку мы находимся в стенах все-таки академического учреждения, я вспомнила социального мыслителя Эспин-Андерсена, его статью «Снова на пути к хорошему обществу?» в журнале SPERO. Он говорит, что в условиях демографических дисбалансов никто не ангажирован, не может отрицать, что самым главным является эгалитарность нашего общества, т.е. доступность образования. Потому что только повышение производительности труда молодых позволит нам, – пишет Эспин-Андерсен, – удерживать достигнутый уровень жизни пенсионеров. А мы, к сожалению, все в той же манере идем на отсечение, т.е. антиэгалитары, у нас такая коммерциализация образования, все время его изучают вдоль и поперек. Мы понимаем, что будем платить интеллектуальную ренту Кореи, Китаю, которые поставят нам робототехнику, а не сами будем извлекать ее. Проблемы, которые мы видим в сфере труда, будут в сфере образования, еще где-то, мы сэкономим, но получим огромный букет последствий.

Музычук В.Ю. Слово предоставляется Светлане Юрьевне Яновой.

Янова С.Ю. Я являюсь представителем Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Поскольку возглавляю кафедру, связанную с финансовой областью, то мне хотелось несколько вернуться к экономическим аспектам того, что мы обсуждаем. Никто не выступает против социальной экономики, развитого социального общества. Но вопрос – есть ли у нас возможности для создания этого общества? Как показывает наша история пенсионных реформ, видимо, пока нет. Самая шикарная Бисмарковская модель, которая в мире была создана, это был

1998 г., это наш закон, шла индексация, осуществлялся расчет пенсионного капитала, индексация от заработной платы. Ни одна страна мира такой модели не имела. Все было учтено: и индивидуальный, и общественный интерес, выравнивание не только между поколениями: у кого низкие заработные платы – чуть поднять, у кого высокие – чуть-чуть опустить, дифференциацию сделать реальной. Прекрасная модель Бисмарка, аналога не было. Где она? Мы что, стали хуже, социальные цели другие? Нет.

Ржаницына Л.С. Голикова предлагает вернуться к ней.

Янова С.Ю. Да нам не потянуть такую модель. Для этого должна быть совершенно другая экономика, здесь приводили пример Швеции 1997 г. В этой стране кардинально поменяли с этого времени подходы к своему пенсионному страхованию и обеспечению, потому что их экономика тоже оказалась неконкурентоспособной по сравнению с другими европейскими странами. Швеция в 70–80-е гг. первое место по уровню жизни занимала. А сейчас мы там кого видим? Гонконг, Сингапур, Соединенные Штаты. Шведским социализмом там уже не особо так уже пахнет. Значит, что нам делать? Нам нужно обращаться к экономике. Мы сейчас с вами, между прочим, не замечаем, что вся наша дискуссия крутится все время вокруг одного вопроса – смены методов вообще. Деление людей: пенсионеры, работающие, наемные, самозанятые – экономика становится другой. Общество становится другим. Мы можем придумывать такой закон, сякой закон, все равно будет прокладываться дорога, которая сейчас строится. Еще 10 лет назад были вопросы: основные фонды, капитальные затраты – все изношено, что мы будем делать? Вы слышите сейчас эти вопросы? Мы не слышим, потому что по-другому совершенно строят, никому это не нужно, вот эти линии, эти бешеные не знают, куда девать здания, что, как их вообще убирать. Не нужно этого слова «надо», государство знает, или Пенсионный фонд, уж извините, вы очень грамотные, вы все знаете, конечно нет, вот есть какие-то объективные экономические, социальные процессы, которые будут решать как и что это будет налаживаться. Вот не следует говорить это слово

«надо». Другое дело, что все развитые страны решают проблему: есть люди, которые не могут себе заработать пенсию, по многим причинам не могут, вы вот говорили, заработные платы там низкие, ну так сложилась у них жизнь.

Ржаницына Л.С. Не нужны пенсии, а надо пособие.

Янова С.Ю. Я к этому и веду. Конечно, машину такую расчетов городить на ровном месте, где дифференциацию пенсий мы можем позволить несколько тысяч при этих баллах, ну загнула может, но так вот где-то вокруг этой средней по больнице, но оно стоит того? Наверное, не стоит. А жить на 5 тыс. или 6 тыс. довольно тяжело, но завышение все-таки соотношения пенсии и заработной платы приведет к разгону инфляции, которую любили в Советском Союзе, что за эти деньги вы ничего не купите. Нужно повышать именно минимальные пенсии. Бог с ним с возрастом, Бог со всем остальным, но инвалиды, мамы с детьми-инвалидами, посмотрите, что творится, вот социальные, вы что, какой возраст? Причем человек в 50 лет, будет он работать или не будет, будет получать он эту пенсию или не будет, для него это не проблема, он живет на заработную плату, это дополнительный доход, очень хороший, удобный, но дополнительный. А вот эти мамы молодые, семьи молодые, просто инвалиды любого возраста, им на что жить?

Ржаницына Л.С. Это социальное обеспечение должно быть, другая форма.

Янова С.Ю. Пенсию получают. Из одного Пенсионного фонда, из тех же денег.

Ржаницына Л.С. Сейчас даже алименты передали в Пенсионный фонд.

Янова С.Ю. Социальные пенсии идут из экономики, из того национального дохода, который мы создаем. И если мы будем перераспределять только по заработной плате, а не исходя из доходов государства и общества, это будет неверно. В нашей ситуации это будет неверно. Мне кажется, не там ищем. В отношении возраста, уже сейчас сделано помимо возраста изменение, что пенсия для работающих

пенсионеров будет никакой по сравнению с теми, кто не работает. Прекрасный вариант, не надо злить людей, не надо объявлять им ни о каком повышении возраста, заморозить пенсию для работающих или в принципе людей до 70 лет, которые хотя бы физически могут работать. Уже сделано, мы с вами решаем проблему, которая уже решена. Зачем злить людей – повысим пенсионный возраст, не надо повышать, какая разница – никакой. А вот как создать национальный доход, как повысить производительность труда, вот это, к сожалению, нам сказать не может ни ЦБ, ни Минфин, я не говорю про другие организации. У меня есть свое видение макроэкономики, но пока в нашей стране подвижек в этой области не будет, роста производительности труда, никаких хороших пенсий, на которые что-то можно достойное купить и существовать, у нас не будет. Цифровизации бояться не надо, производительность труда с импровизацией экономики растет бешено, идет перемещение труда из производственной сферы в непроизводственную – ничего страшного, весь мир так живет, и всем это нравится, и у них сбалансированные бюджеты, все прекрасно. Ничего там страшного нет, если это будет делать одна линия, один конвейер в небольшом помещении. Что касается того, как наши пенсионеры освоят личные кабинеты – если это будет удобно и хорошо, все освоят.

Морунова Г.В.: Хочу поблагодарить за приглашение на столь интересный «круглый стол». Я представляю Санкт-Петербургский государственный экономический университет и хочу поддержать свою коллегу, многоуважаемую Светлану Юрьевну. Чем удивила меня социальная сфера, когда я пришла как финансист из образования? У нас в образовании один стандарт, а Комитет по социальной политике представил мне три стандарта социального обеспечения: оптимальный, минимальный и реальный. Но все правильно, если в бюджете денег минимум, хоть какую формулу возьми – будет минимум. Если в бюджете денег много, можно любую формулу применить – будет много. Вот это важный вопрос. Хочу поддержать коллег в том, что надо обязательно доверие населения к любой

социальной системе. Мы работаем со студентами, мы им рассказываем, что будет какая-то пенсия, им это неинтересно. Почему? Нет доверия. Поменяется все сто раз, формула будет другая, а может вообще получать не будем. И почему? Я вам скажу, потому что системе нет доверия. Вот в качестве примера – Ленинградская область, у нас есть по налоговым платежам амнистия. С чем столкнулись? Кто заплатил налоги, приходят теперь к налоговикам и пишут заявления о том, чтобы им вернули. Представляете, что получилось? Мы сейчас из-за вот этого несовершенства столкнемся с такими проблемами, что вопросы: какой коэффициент брать, что пересчитывать – будут уже третичны. И все-таки я ратую за математику. Экономическое обоснование принимаемых реформ и их упрощение и долгосрочность приведут к стабилизации хоть на какой-то период и, может быть, вызовут доверие. Но если 5 млн не получают у нас пенсию, если работал–работал, а получил минималку – доверия вообще не будет.

Ржаницына Л.С. А если не работал, а получил?

Музычук В.Ю. Людмила Сергеевна, Вам слово для подведения итогов.

Ржаницына Л.С. Хочу сказать следующее. У нас богатейшая страна, только что я посмотрела, что заработная плата и доходы, вернее, доходы, очень многих людей в Думе повысились в 200 раз. Один говорит – продал то, другой говорит – продал то, а откуда это проданное-то появилось? Произошло колоссальное ограбление народа. Хорошие поляки, плохие поляки, но когда у них все это произошло, они взяли эту собственность, посчитали и сказали, а все-таки пенсионер должен за счет этой собственности что-то получить. И сейчас я не очень одобряю нашу левую оппозицию, там масса таких предложений. Итак, об управлении. Последнее, что я видела – это когда в 2008 г. мы с Людмилой Ивановной Швецовой, которая как-то умела заботиться о народе, предлагали Пенсионный фонд сделать, потому что мы все время говорим дети-сироты, дети-инвалиды, это все мизер по сравнению с детьми, которые оказываются в определенной

трудной ситуации. Их 3 млн чел., хотя, честно говоря, получают алименты в лучшем случае 1 млн, и они очень маленькие, потому что наши дорогие отцы любезно скрывают свою заработную плату. Какое сейчас приняли решение? Сказали, если приставы не находят в течение года, зачем искать, можно пойти в суд, признать человека безвестно отсутствующим и назначить пенсию по потере кормильца. Вот вам страховая, производительность и т.д. Значит, получается так, что я плачу алименты, я человек второго сорта, потому что есть люди, которые не платят, а их ребенку все равно назначили пенсию по потере кормильца. В конце концов, важен результат, правда? И почему я говорю, что это очень много, потому что создав алиментный фонд, мы бы сформировали институт, а в этом институте можно было бы заниматься семьями до развода, во время него и после него, чтобы решать не только денежные дела. И опять пострадали пенсионеры, Пенсионный фонд. Мы говорим о женщинах, бабушки не нужны и т.д., как случилось, что не стало яслей? Просто кто-то, кто работает в Администрации Президента написал задание: от 3 до 8 обеспечиваем. Обеспечили, в Москве даже не стало яслей. И так все время, не ищите каких-то проблем вне управления. Я 10 лет предлагаю отменить социальную пенсию для тех, кто не работал. Может, работал, но не платил взносы. Оставить ее только для инвалидов, для таких страдающих категорий, которые не могли на рынке труда заработать себе пенсию, и я вас уверяю какое бы общество хорошее или плохое не было, за 10 лет сформировалось бы понимание, что человек не получит пенсию. Мне говорят – нельзя, это бедные люди. Назаров, из НИФИ, говорит – не надо никакой пенсии, давайте дадим нуждающимся только. Я тоже, можно сказать, нуждающаяся, но в пенсии обязательной, когда меня всю жизнь работающую приравнивают к тому, кто ничего не делал. Если бы 10 лет назад это решение было принято, 15 млн в сфере занятости не было, а это источник Пенсионного фонда. И последнее, что я хочу сказать. Очень много нужно сделать помимо пенсии для пенсионеров. Первое – страхование

лекарств. Тут Куликова рассказывала, в Австралии государство доплачивает стоимость лекарств, которые получают пенсионеры. Сейчас г-жа Скворцова вышла с этим предложением, но оно какое-то нелепое. Опять в пределах ОМС чего-то выделить, какие-то тяжелые болезни, опять какая-то, не очень удачная попытка. Второе. Вот моя мечта – ввести в Российской Федерации страхование по уходу по болезни и в старости. Я как-то попала в ФРГ на конференцию по пожилым и по инвалидам. Там 80 млн немцев страхуются, и всего-то 2,35 заработной платы да еще половину, там же другая система страхования, там же не фонды, там страховые кассы. Эти люди либо получают бесплатную помощь по уходу, либо хорошие деньги, если ваши дочери, кто-то из родственников или сосед ухаживает за вами, разве плохо? А у нас говорят – бюджета нет, не надо бюджет, надо чтобы оплачивали это страхование, как все немцы. Почему мы не используем действительно колоссальный опыт? Японцы это делают. Это не во всех странах, но там, где это есть, по-моему, это замечательно. Поэтому я хочу сказать, что возможности очень большие. Кстати, о детях. Вы знаете, что есть детское страхование. Можно было бы очень серьезные вещи делать по страхованию детей, никто об этом не заботится, а почему? Я повторяю, все дело в системе управления. У меня такое ощущение, что в Министерстве финансов знают, какая у нас монополия в экономической школе и Академии народного хозяйства. Эти люди, которые их обслуживают, они, по-моему, не имеют никаких других идей и не беспокоятся о них. Странная система, когда создается монополия в науке. Повторяю: есть много возможностей решать эти проблемы. У нас очень большая проблема – это наш правящий класс: жадный, эгоистичный, сколько раз предлагали профессионально, сейчас кто-то заступался за профессиональную пенсию, говорил так не так, там не эдак. 15 лет предлагали вводить эту профессиональную пенсию, когда они все это получили, они же хозяева, они получили капитал, почему не ответить за это, почему не пересмотреть пенсии, почему тогда нельзя было сделать. А потому, что вот так получилось.

Шерстнев В.И. Людмила Сергеевна, я как человек, который родился после 1967 г., мне на что надеяться?

Ржаницына Л.С. Я считаю, что не нужно повышать пенсионный возраст в целях выхода из всей той суммы проблем, которые существуют. Это не магистральная вещь, нужен комплекс мер, который позволяет ввести прогрессивный подоходный налог. Коммунисты сейчас предлагают 15% с миллионного дохода в месяц, на 2% всего больше и эти люди стоят стеной, может только мы, люди бескорыстные, я твердо знаю, что научные работники – люди бескорыстные, я про «вышку» не говорю, потому что самый богатый у нас ректор, как известно, Кузьминов. Ему даже мало денег, которые он получает, в правительстве, в смысле – Минэкономике, они же сжирают весь бюджетный фонд, а если бы они в Москву пошли, я раньше московские гранты получала, а теперь Кузьминов сел в Московском общественном совете, и я думаю, что в этот раз уже не получу. У него есть свои люди. Повторяю, так что надеяться не на что. Пока существует Академия наук, давайте себя будем защищать и защищать то, что нам кажется рациональным. Даже если это меньше денег, дешевле и т.д., из каких-то других принципов исходить. Я, например, ушла на пенсию очень поздно, потому что я стеснялась, как это, я работаю и уйду на пенсию, я в 60 или 62 только вышла на пенсию, поскольку оклады в Институте экономики – сами понимаете... Что я хочу сказать насчет управления – нельзя в пенсионном вопросе видеть только пенсию, надо пенсионера в целом видеть. Я несколько лет занималась, разрабатывала бюджеты пенсионеров. Мало того, я придумала так называемый личный бюджет пенсионера, где все будет видно, вот тут я получил пенсию, вот тут я получил надбавку, тут у меня социальная услуга, тут я работаю, и тогда только с помощью этого бюджета будет видно, лучше или хуже стало пенсионерам, потому что пенсию могут прибавить, а заработную плату отнять или какое-то другое социальное обеспечение.

Музычук В.Ю. Спасибо большое. Я хотела бы передать завершающее слово Аркадию Константиновичу.

Соловьёв А.К. Скажу, что я даже не ожидал, что такое будет оживленное обсуждение, даже в таком скромном виде дискуссия очень полезна. Ну и у меня какие-то мысли возникли, хотелось бы высказать предложение, даже просьбы и пожелание. У нас есть такой принцип научных предложений, вот увидели где-то в Германии, в Японии, в Сингапуре, а давайте, мы и себе это сделаем. Рассмотрим, к примеру, вопрос повышения пенсионного возраста. Я могу показать каждую составляющую данного повышения. Зачем повышать возраст? Все предложения должны быть обоснованы, исходя из какой-то цели. У того же Минфина, у финансового блока и примкнувшей к ним либеральной оппозиции есть цель. Она открытая, прямая, она кристально чистая, ну при капле демагогии о повышении размера пенсии, – любой ценой сократить расходы в текущем бюджете, вот в этом году, желательно, хорошо будет и в следующем, а там уже трава не расти. Вот эта цель понятна, а вот когда мы тут пытаемся что-то в науке обосновать, вот мы обосновываем тоже из каких-то таких умозрительных соображений, вот я предлагаю, предлагаю, ну так предлагаю, этим наука отличается от не науки, бытовых разговоров на кухне с женой и с мужем. Хотелось бы поблагодарить руководство Института экономики за то, что вообще поставили этот вопрос. В Высшей школе экономике и РАГСе ежемесячно проводятся дискуссии по пенсионному вопросу в течение нескольких лет, а в этом году особенно часто были: в январе, феврале, в марте. Причем туда не всех приглашают, не сильно афишируют, хотя и не сильно скрывают, выборочно приглашают. В РАГСе регулярно, и я по старой памяти там бываю, а когда последний раз в Институте экономики произносили слово пенсия, я имею в виду официально, Людмила Сергеевна?

Ржаницина Л.С. 2 года назад.

Соловьёв А.К. Я понял, 2 года назад я помню, я участвовал, и если это историческая веха, то конечно. В той же «вышке» ежегодно печатают что-то

про социальную политику, обсуждают концепцию. Концепция тоже голословная, тоже возраст решит все проблемы развития экономики, только с помощью возраста можно, вся она посвящена этому, а у нас ничего. Первый раз, спасибо Руслану Семёновичу, поддержал, но надо нам воплотить это в какую-то позицию, не нашу, не мою, может Института экономики, может Финэка, кого-то еще, если она у вас есть, если нет, то можно примкнуть и к социальной политике финансового блока. На этом пожелании я хотел бы закончить.

Музычук В.Ю. Дорогие коллеги, я бы хотела сказать, что мы не должны здесь соревноваться с «вышкой». Самое главное, что действительно сохраняется эта вот альтернатива официальной позиции – научное течение. Мы занимаемся социальной тематикой не потому, что мы хотим кому-то чего-то доказать, это наши научные интересы, т.е. мы выбрали эту профессию. Я очень надеюсь, что наш голос будет услышан. Он негромкий, но все-таки, безусловно, должен соблюдаться некий баланс, и я думаю, что благодаря этому мы должны заниматься в дальнейшем научными исследованиями. Спасибо большое.